

*ИВАНЕНКО Алексей Игоревич, кандидат философских наук, доцент, доцент высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Автор 51 научной публикации, в т. ч. одной монографии**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6330-7179>

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АФГАНСКИХ ТАТУИРОВОК

Статья посвящена семиотическому анализу афганских татуировок, которые делали военнослужащие Советской армии в память о прохождении службы в Афганистане в период пребывания там ограниченного контингента советских войск (1979–1989). Материалом для исследования стали фотографии татуировок, размещенные на 6 специализированных сайтах. Изображения были интерпретированы путем сравнения с аналогичными татуировками морской, тюремной и зарубежной армейской тематики. В ходе исследования удалось выявить значительное расхождение афганских и тюремных татуировок, а также установить западное влияние тату-арта на первых. Вместе с тем отмечено, что афганские татуировки содержат уникальные формы визуальной репрезентации Афганской войны, которые заключаются в использовании мусульманского календаря, арабского письма, образов советской военной техники и многочисленных афганских топонимов. К интересным наблюдениям стоит отнести отсутствие среди элементов афганских татуировок официальной советской (серп и молот) и христианской (кресты, ангелы, церкви, иконы) символики, которую заменяют различные анималистические образы (орел, тигр, волк) и знаки полковой идентичности. Из примечательной неофициальной советской символики, представленной на афганских татуировках, можно выделить образ Вечного огня. Любопытным результатом исследования стало выявленное различие в модальности восприятия Афганской войны в тату-арте и советском/российском кинематографе: если в кино доминирует представление о заведомо роковом характере войны, то в татуировках ярко выражены мемориальный аспект и чувство гордости за проведенное в Афганистане время. В целом афганские татуировки являются важной культурной проекцией для понимания советской духовной культуры.

Ключевые слова: семиотика татуировки, символ, иконический знак, армейская субкультура, коллективная память, Афганская война, Афганистан, СССР.

*Адрес: 198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, д. 4; e-mail: iwanenkoalexu@hotmail.com

Для цитирования: Иваненко А.И. Семиотические аспекты афганских татуировок // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 67–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V192

Введение

Современный исследователь Ф.В. Николаи отмечает, что общество с 1990–2000-х годов переживает период «мемориального бума» [1, с. 4]. В широком смысле это укладывается в парадигму постмодерна, который, в отличие от предшествующей эпохи модерна, обращен не к будущему (футуризм, прогрессизм), а к прошлому. Эту интенцию выражает характерная приставка *post-* («после»). Однако в условиях фрагментации картины мира постмодерн все же не превращается в историцизм или консерватизм, поскольку, по словам Ж.-Ф. Лиотара, его характеризует «недоверие в отношении метарассказов» [2, с. 10], к которым вполне можно отнести «всемирную историю» или «национальный дух».

Прошлое выступает как «коллективная память», субъектом которой являются «аффективные сообщества». Поэтому именно они формируют социальную реальность, где на смену героическому мифу приходит «коллективная травма» от исторических событий. Само понятие травмы представляет собой метафору, в основе которой лежит термин из психологии З. Фрейда. Ф.В. Николаи обращает внимание, что для доминирующей ныне американской культуры примерами травмирующих событий являются вьетнамская война и террористические акты 11 сентября 2001 года [1, с. 29].

Для современной российской культуры подобным травмирующим событием может считаться Афганская война (1979–1989). В работе «Шурави и душман в пространстве отечественной кинорефлексии» (2020) мы уже обращались к кинематографическому опыту осмысления этой войны [3]. Однако данный опыт не ограничивается киноискусством. Особенности кинематографа являются его значительная капиталоемкость, коллективный труд и, как следствие, зависимость от привилегированных социальных групп, что приводит к серьезной политизации данного вида искусства.

Помимо кинематографа, Афганская война получила свое отражение в жанре бардовской песни – необычайно насыщенная по содержанию

композиция «Черный тюльпан» в исполнении Александра Розенбаума представлена в фильме «Афганский излом» (реж. В. Бортко, 1991).

Настоящая работа посвящена так называемым афганским татуировкам, т. е. тем татуировкам, которые выражают память об Афганской войне. Фильмы об Афганской войне фиксируют наличие данных татуировок [3, с. 53], но не раскрывают всего их разнообразия.

Материалы и методы

Методологические аспекты. Для анализа татуировок мы будем применять семиотическую методологию, отраженную в работах Р. Барта. Поэтому татуировка нами воспринимается как «коммуникативная система», «приспособленная к определенному способу восприятия» [4, с. 233–235].

Исследование татуировок наталкивается на ряд трудностей методологического порядка.

Во-первых, эфемерен сам материал – кожа живого человека, на которую с помощью специальных приспособлений наносится татуировка. Она ненадолго переживает своего владельца, поэтому век татуировки краток.

Во-вторых, материал не только эфемерен, но и капризен, поскольку человек современной цивилизации имеет обыкновение скрывать свои нелицевые кожные покровы. Он демонстрирует их либо узкому кругу знакомых, либо в определенных ситуациях публичного обнажения (например, на морском пляже во время отдыха). Поэтому у исследователя не может быть уверенности, что он охватывает всю предметную область, а рассматриваемые татуировки – репрезентативны.

В-третьих, на протяжении всего XX века, по крайней мере в России, татуировка воспринималась как характерная часть криминальной субкультуры. Примечателен эпизод из фильма «Бриллиантовая рука» (реж. Л. Гайдай, 1968), когда управдом в исполнении актрисы Нонны Мордюковой резко меняет свое отношение к незнакомцу, заметив у того на тыльной стороне правой кисти татуировку восходящего солнца и надпись «Миша» на фалангах пальцев.

Действительно, связь искусства татуировок с криминальными субкультурами прослеживается достаточно четко. Это касается не только отечественных «воров в законе», но и японских якудза (*yakuza*)¹, латиноамериканских «мара салватруча» (*Mara Salvatrucha*)² и французских апашей [5]. Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что морские татуировки древнее тюремных. Ряд образных особенностей «наколок» российского преступного мира демонстрирует очевидное влияние морской субкультуры: парусники, русалки, якоря [6]. Характерный символ авторитетов российского преступного мира – восьмиконечная звезда – в определенной степени визуально сопоставим с морским знаком «роза ветров».

Тем не менее лингвистический анализ слова «татуировка» (корень *tattoo*) указывает на его полинезийское происхождение [7]. Несмотря на то, что подобным изображениям часто приписывается широкое распространение в древности, европейцы еще в XVIII веке воспринимали татуировки как диковину [8]. От полинезийцев данная практика была заимствована британскими матросами и получила известность в Европе.

Будучи изначально элементом архаической культуры, татуировка тяготела к орнаментальности и повторяемости образов. Каждое изображение вполне могло быть репрезентативным, по-

скольку оно выражало скорее идею типического (больше в модусе архи-, чем стерео-), нежели идею уникального и неповторимого. Отсюда образный ряд тяготел к ограниченному набору символов, который представлял своеобразный «тату-язык» [9, с. 82]. Поэтому при анализе афганских татуировок для нас будет важно выделить иконический тезаурус – набор наиболее характерных выражений и образов.

Современная техника фотофиксации и выгрузки изображений в сеть Интернет в значительной степени облегчила знакомство с визуальной информацией, которая прежде могла быть доступна лишь узкому кругу наблюдателей. Однако остается проблема отбора именно афганских татуировок, поскольку их сложно было бы идентифицировать в качестве таковых, если бы они не содержали специфической афганской конкретики. Впрочем, именно афганская конкретика как раз и выражает опыт Афганской войны, т. к. массовое пребывание наших соотечественников в этой стране соответствовало времени размещения ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), т. е. периоду Афганской войны (1979–1989).

Материал исследования. В процессе мониторинга сети Интернет посредством поисковых сервисов Yandex и Google нам удалось обнаружить 6 тематических сайтов, содержащих информацию о так называемых афганских татуировках³.

¹Virik K. Tattoos in Japan: Why They're so Tied to the Yakuza // BBC. 2019. 21 September. URL: <https://www.bbc.com/news/newsbeat-49768799> (дата обращения: 16.02.2022).

²El Salvador's Gange Truce // BBC. 2012. 26 November. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/p011jsty/p011jt7l> (дата обращения: 13.02.2022).

³Афганские татуировки. Эскизы и фотографии афганских татуировок. URL: http://tatuirovanie.ru/afgan_tattoos.html (дата обращения: 13.02.2022); Афганские татуировки солдат Советской Армии (1). 27.07.2012. URL: <http://paraparabellum.ru/armejskie-tatuirovki/afganske-tatuirovki-soldat-sovetskoj-armii/> (дата обращения: 13.02.2022); Афганские татуировки солдат советской армии (2). URL: <http://bigtattoo.ru/tattooandtattoo/afganske-tatuirovki-soldat-sovetskoi-armii-129.html> (дата обращения: 13.02.2022); Наколки на память об Афгане. Часть I (II, III). 22.07.2010. URL: http://www.181msp.ru/publ/dokumenty_vojny/nakolki_na_pamjat_ob_afgane_chast_i/18-1-0-129; http://www.181msp.ru/publ/dokumenty_vojny/nakolki_na_pamjat_ob_afgane_chast_ii/18-1-0-130; http://www.181msp.ru/publ/dokumenty_vojny/nakolki_na_pamjat_ob_afgane_chast_iii/18-1-0-131 (дата обращения: 13.02.2022); Какие наколки делали Шурави на Афганской войне. Подборка фотографий. 06.10.2019. URL: https://zen.yandex.ru/media/1_25seconds/kakie-nakolki-delali-shuravi-na-afganskoi-voine-podborka-fotografii-5d99009bc7e50c00afe2e816 (дата обращения: 13.02.2022); Армейские татуировки. Афган. URL: http://all-tattoo.ru/category/armejskie_tatuirovki/afgan/ (дата обращения: 13.02.2022).

Самой удобной для семиотического анализа является веб-страница «Афганские татуировки. Эскизы и фотографии афганских татуировок», которая содержит 51 пронумерованное изображение. На другой веб-странице, «Афганские татуировки солдат Советской армии» (1), можно найти уже 62 фотографии, причем абсолютное большинство из них (51) повторяет образы первого сайта. Однако здесь имеется датировка фотографий (2012 год) и указан их автор (Евстифеев), а также идет ссылка на несуществующий ныне сайт на домене *narod.ru*. Интересны три части серии «Наколки на память об Афгане» на сайте 181-го мотострелкового полка. Там содержатся фотографии 47 татуировок, имеющие более раннюю датировку (2010 год), из них лишь 15 уникальных изображений.

Можно предположить, что образы кочуют с одного сайта на другой, наиболее показательная часть из них копируется и воспроизводится, а менее четкие или бедные по визуальному ряду отсеиваются. Страница «Какие наколки делали Шурави на Афганской войне» на домене «Яндекс.Дзен» содержит лишь 7 фотографий, из которых только одна не повторяет изображения с предыдущих сайтов. Серия «Армейские татуировки. Афган» включает 9 изображений, из них оригинально также только одно. Таким образом, в нашем распоряжении оказались изображения 78 афганских татуировок, датированные 2010–2012 годами.

Результаты

Сравнение афганских татуировок с тюремными. При анализе афганских татуировок можно предположить, что афганские татуировки появились под влиянием тюремных, поскольку накануне Афганской войны татуировки в советском массовом сознании ассоциировались преимущественно с криминальной

средой (этот факт отражен в уже упомянутом фильме «Бриллиантовая рука»). Однако здесь не стоит совершать логическую ошибку *post hoc ergo propter hoc* – «после – значит вследствие».

Криминальная (тюремная или «воровская») среда в советские годы была довольно герметична и отличалась крайне негативным отношением к государству и его институтам, в т. ч. к армии, тогда как афганские татуировки делали себе именно военнослужащие Советской армии, проходившие службу в Афганистане. Кроме того, иконические ряды двух сообществ довольно сильно различаются между собой. Так, в афганских (армейских) татуировках отсутствуют характерные для тюремных «наколки» образы игральных карт (пиковая масть), христианской символики (иконы, кресты, церкви, ангелы), восьмиконечных звезд, свастика, пауков и женщин⁴. Параллели между иконическими рядами двух сообществ можно обнаружить лишь в некоторых анималистических образах: орел, тигр и летучая мышь⁵. Однако эти сходства лишь подчеркивают различия двух семиотических систем. Если образы орла и тигра могут иметь универсальный смысл «сила, могущество и бесстрашие», то летучая мышь в афганских татуировках (*рис. 1*) не имеет тюремного смысла «ночной вор». Здесь скорее можно усмотреть символ супергероя Бэтмена (*Batman*: «человек – летучая мышь») из американской массовой культуры. Примечательно, что в двух из трех афганских татуировок с использованием образа летучей мыши присутствует латинская аббревиатура *SF*, которую контекстуально можно интерпретировать двояко: как *Special Forces* (спецназ) и как девиз морпехов США *Semper Fidelis* («всегда верен») ⁶.

Западное влияние. Другую гипотезу можно сформулировать так: афганские татуировки по-

⁴Воровские татуировки. URL: <https://otatuirovkah.ru/vorovskie-tatuirovki/> (дата обращения: 13.02.2022).

⁵Воровские тату: криминальные татуировки тюремного мира и их значения. URL: <https://tatueskiz.ru/prison/vorovskie-nakolki.html> (дата обращения: 13.02.2022).

⁶Армейские татуировки в Корпусе морской пехоты США. URL: <http://paraparabellum.ru/armejskie-tatuirovki/armejskie-tatuirovki-korpus-morskoj-pehoty-ssha/> (дата обращения: 13.02.2022).

Рис. 1. Афганская татуировка с изображением летучей мыши

Fig. 1. Afghan tattoo depicting a bat

явились под влиянием зарубежных (прежде всего американских) армейских татуировок. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что до Афганской войны крупнейшим конфликтом с участием СССР была Великая Отечественная война (1941–1945), однако связанные с ней татуировки как особое культурное явление отсутствуют. Известно, что именно в годы Второй мировой войны искусство татуировки на Западе переживало небывалый расцвет и связано это с Моряком Джерри (*Sailor Jerry*)⁷ – основателем так называемой старой школы тату. Примерно в 1930 году он поступил на службу в военно-морской флот США и параллельно обучался искусству татуировки у японских мастеров. При нем морские татуировки стали многоцветными и приобрели большую художественность.

Существуют свидетельства, что американские военные в память о вьетнамской войне

(1964–1975) делали себе татуировки с надписью *Vietnam* и аббревиатурой *USMC* (Корпус морской пехоты США)⁸. Порой американские армейские татуировки обнаруживают удивительное сходство с советскими («афганскими»): в последних также встречаются графическое начертание страны пребывания – *Афганистан* или *ДРА* (Демократическая Республика Афганистан) – и указание на род войск: *ВДВ* (воздушно-десантные войска) или *ПВ* (пограничные войска).

Кроме того, афганские татуировки содержат визуальный ряд, сопоставимый с американским, но обладают особенностями касательно образов военной техники (в армиях СССР и США использовались разные виды вооружений). Так, для афганских татуировок характерны следующие визуальные образы:

- парашют (32 % всех проанализированных нами изображений);
- орел (25 %);
- самолет (23 %);
- вертолет (16 %);
- череп в берете (4 %).

Имеются и другие отличия. Так, в США среди военных популярностью пользуются изображения женщин и национального флага, в афганских татуировках подобные изображения совершенно отсутствуют. Лишь одна татуировка содержит образ двуглавого орла с короной, который никак не мог быть символом Советской армии в годы Афганской войны. Ничего похожего на государственный символ серпа и молота, обильно представленный в советском монументальном искусстве, обнаружить также не удалось. Весьма редко в афганских татуировках встречаются девизы вроде популярной английской фразы *Death before dishonor* («Смерть прежде бесчестия») – лишь два изображения содержат изречения «Долг и честь» и «Без права на ошибку».

Ориентальные мотивы. Большое место в афганских татуировках советских воинов за-

⁷Rare Sailor Jerry's Tattoos Designs & Meanings – Old Schools Tattoos. URL: <https://tattoo-journal.com/55-rare-sailor-jerrys-tattoos/> (дата обращения: 13.02.2022).

⁸См.: Армейские татуировки в Корпусе морской пехоты США.

нимают ориентальные (восточные) мотивы. Уникальна любовь советских военнослужащих к принятому в Афганистане мусульманскому календарю, где летоисчисление отсчитывается не от предполагаемого имянаречения Христа, а от Хиджры – бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (622 год нашей эры). Отсюда на афганских татуировках нередки такие странные даты, как 1361–1363, 1363–1365, 1364–1366, 1365–1367, 1366–1368 (хотя, по сути, если прибавить к 1361 году 622, мы получим вполне понятный 1983 год). На веб-странице «Афганские татуировки. Эскизы и фотографии афганских татуировок» до 30 % изображений снабжены датами по мусульманскому летоисчислению и только 20 % – по христианскому. Примечательно, что в обоих случаях используется то начертание арабских цифр, которое принято в Европе и России, но не в мусульманских странах.

Ссылкой на летоисчисление от Хиджры ориентальные мотивы афганских татуировок не исчерпываются. Иногда само слово «Афганистан» могло записываться арабским письмом (справа налево). Есть свидетельство афганской татуировки на языке дари (рис. 2): *Джумхури Ислами Афганистан* (Исламская Республика Афганистан). Примечательно, что такое название могло появиться только после 2004 года, что свидетельствует о поздней дате татуировки. Также ориентализм заключался в изображении купольных мечетей с башней минарета и полумесяцем наверху. В серии «Наколки на память об Афгане» можно обнаружить неединичные фотографии татуировок с изображением ликов грозных бородатых мужчин в чалмах.

Подобный ориентализм свидетельствует о том, что советские воины в определенной степени поддавали очарованию мусульманской культуры. При этом Афганистан не мог считаться классической страной Ближнего Востока, поскольку коренное население там говорило не на арабском, а на языках иранской группы (дари и пушту). Северный Афганистан (древняя Бактрия) являлся родиной основателя древнеиранской религии Зороастра [10, с. 38], а в центре страны вплоть до XX века

Рис. 2. Афганская татуировка с надписью на языке дари

Fig. 2. Afghan tattoo with an inscription in the Dari language

сохранялись гигантские статуи Будды [10, с. 41]. Таким образом, здесь в древности проходила граница двух культурных регионов: зороастрийского Ирана и буддийской Индии. Проникший сюда в эпоху Средневековья ислам приобрел специфические «суфийские» черты, нередко чуждые своему арабскому источнику.

Современный иранский философ Реза Негарестани обращает внимание на архетип пустынной равнины в классическом ближневосточном варианте мусульманской религии, который характеризовался «холеричной воинственной горизонтальностью» и «пустынным радикализмом» [11, с. 143], где любая возвышенность или выступающий над плоской поверхностью контур воспринимался как возможность идолопоклонства, тени и неверия. В этом смысле «горный» ислам иранского, анатолийского или кавказского толка неизбежно хранил некий домусульманский субстрат.

В СССР мусульманский Восток во многом воспринимался сквозь призму кинематографа.

В качестве примера можно привести детский фильм «Старик Хоттабыч» (реж. Г. Казанский, 1956), погружающий в сказочный мир ковра-самолета, караванов из навьюченных верблюдов, дворцов халифа Гаруна аль-Рашида и длиннородого джинна из кувшина, который сопровождал исполнение желаний льстиво-раболопной словесной формулировкой «слушаю и повинуюсь». Другим популярным фильмом о «востоке» был советский истерн «Белое солнце пустыни» (реж. В. Мотыль, 1969), где центральный персонаж – красноармеец Сухов (в исполнении актера Анатолия Кузнецова) рефреном повторяет фразу «Восток – дело тонкое». Наконец, за 5 лет до ввода советских войск в Афганистан – в 1974 году вышел 10-минутный эпизод мультипликационного сериала «Приключения Мюнхаузена» под названием «Павлин», где были собраны все «клюквенные» (стереотипные) репрезентации «востока»: мужчины в чалмах и халатах, закрывающие лица женщины, джинн с «кондитерским» именем Рахат ибн Лукум (аналогия с «восточным» десертом рахат-лукум), верблюды, заклинатели змей, пальмы, кофейник, ковер-самолет, кальян и павлин.

Таким образом, ориентальные мотивы в афганских татуировках основывались на некоторых антиципациях Афганистана как типичной, хотя и неарабской, восточной страны. Востребованными при этом оказались лишь отдельные компоненты: мусульманское летоисчисление, арабское письмо, образы мечетей, лица в чалмах. В целом у советских военнослужащих особого погружения в ислам не обнаруживается, поскольку, с одной стороны, изображения на теле в принципе чужды ортодоксальному исламу, а с другой, в афганских татуировках отсутствуют характерные исламские символы: шахада (исповедание веры: «ля илляха илля ла»), такбир (восхваление Бога: «Аллах акбар»), Зульфикар (часто изображаемый на знаменах мусульманских стран меч пророка).

Географические репрезентации. Афганские татуировки содержат немало топонимической информации. Очевидно, что со-

ветские солдаты несли службу строго в определенных населенных пунктах или провинциях. В афганских татуировках присутствуют надписи, содержащие как минимум 11 топонимов. Их могли записывать кириллицей или латиницей – видимо, чтобы подчеркнуть факт пребывания за рубежом. К названиям населенных пунктов можно отнести столицу *Kabul* (или *Kabul*), южный *Kandagar*, северный *Kunduz*, западные *Gerat* (рис.1) и *Shindand*, восточные *Acadabad* и *Djelalabad*, центральный аэропорт *Баграм* и город *Ghazni*, а также две провинции – *Parvan* и *Zabul*.

Помимо надписей с упоминаниями топонимов, географические особенности Афганистана выражены и в изображении гор (Гиндукуш). Животный и растительный мир края в татуировках не представлен. Как уже отмечалось, популярностью пользовались изображения орла, а также, в меньшей степени, голов тигра и волка. Эти иконические знаки прочитываются скорее как выражение абстрактных маскулинных качеств (сила, могущество, храбрость), нежели как результат наблюдения за местной фауной.

Советский аспект. Несмотря на наличие ориентальных мотивов в татуировках, советские военнослужащие не теряли собственной идентичности. Специфическая символика выражалась в образах пятиконечной звезды (пентаграммы) на фоне парашюта, на берете, наверху обелиска или как очаг для Вечного огня.

Что же касается образа Вечного огня, то в афганском контексте этот иконический знак коррелировал с огнепоклонничеством доисламского зороастризма. Влияние традиций древнего Ирана было чрезвычайно широко и распространялось на мировые религии (мессианство и манихейский дуализм), на позднеантичную политическую культуру (персидская деспотия) и на тюркский культ богатырей-пехлеванов (Рустам из Шах-наме).

Интересно отсутствие официальной советской символики в афганских татуировках. Здесь мы не встречаем ни надписи СССР, ни изображения советского герба или флага. Можно

предположить, что понятие Родины было вытеснено «сообществами вымышленного родства» [1, с. 198]: это могли быть либо рода войск и крупные армейские соединения (*ВДВ*, *ПВ* или *ОКСВА*), либо конкретные подразделения: *317 ндп* (парашютно-десантный полк), *181 овп* (отдельный вертолетный полк), *345* (рис. 3), *КСАПО* (Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ), *ДШМГ* (десантно-штурмовая маневренная группа).

Рис. 3. Афганская татуировка с обозначением рода войск

Fig. 3. Afghan tattoo with a corps insignia

Иконические композиции. Афганские татуировки полиморфны, поэтому важно не только обозначить визуальный ряд, но и указать сочетаемость образов в рамках одной иконической композиции. Если изображен лик мужчины в чалме, то данный образ самодостаточен и может сопровождаться лишь названием топонима. Равным образом самодостаточно графическое обозначение группы крови (например, *A(II)Rh*), рядом с которым может находиться лишь изображение патрона.

Наиболее распространены композиции в форме эмблемы или медальона, наносимые на

левое предплечье. Подобное изображение содержало центральный образ (вертолет или самолет, орла, череп в берете, голову тигра или летучую мышь), задний план (обычно парашют, горы, прицел или земной шар с меридианными линиями), верхнюю и нижнюю надписи с указанием топонима и военного соединения, а также обозначение годов службы по бокам от центрального образа. Иногда надписи вписывались в геральдическую ленту.

Заключение

Афганские татуировки в какой-то мере являются проекцией общемирового тату-арта второй половины XX века. В отличие от других форм кодирования травматического опыта локальных войн, они передают определенное эмоциональное состояние, которое можно охарактеризовать как чувство гордости за факт пребывания в Афганистане. В некоторой степени это коррелирует с диалектикой героического и травматического в толковании вьетнамской войны у американских авторов, которую исследует Ф.В. Николаи [1].

Отдельные образы афганских татуировок носили явно выраженный мемориальный характер (obelisk, Вечный огонь), но эта память была лишена элементов виктимности. Анализ образного ряда показал, что советские военнослужащие не воспринимали себя проигравшей стороной, о чем свидетельствуют татуировки в виде кисти руки с жестом «Виктори» (победа), с изображением прицела на заднем плане и названием афганской провинции (*Parvan*). Присутствие афганской конкретики в виде ориентальных мотивов может свидетельствовать об интересе к местной культуре.

Подобная тональность татуировок резко контрастирует с репрезентацией Афганской войны в отечественном кинематографе, где прослеживается мотив «бесмысленности страданий и смерти» [3, с. 53]. Это противоречие в оценках может демонстрировать разобщенность между гражданско-интеллигентской средой кинематографистов, воспринимающих конфликт через призму западных масс-медиа, и ветеранами-афганцами, которые образовали

достаточно закрытую социальную группу. Обилие анималистических образов (орел, тигр, волк), символизирующих силу, могущество и бесстрашие, может быть истолковано как результат инициации, в качестве которой и воспринималась Афганская война. При этом формировалось то, что в специальной литературе называется «сообществом вымышленного родства». Стихийно создаваемая таким образом коллективная память дистанцировалась от официальной идеологии, хотя и инкорпорировала отдельные ее элементы (Вечный огонь, пятиконечная звезда).

Выявленный образный ряд афганских татуировок вполне может быть востребован при возведении монументов в память о войне, при анализе позднесоветской культуры в целом и армейской субкультуры в частности. Также изложенный материал может представлять интерес для семиологов в части изучения адаптации (мортальная, анималистическая и техническая визуальность), фильтрации (христианская и государственная символика), а также трансформации (летучая мышь) тех или иных образов.

Список литературы

1. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2018. 335 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Ин-т эксперим. социологии; Алетейя, 1998. 160 с.
3. Иваненко А.И. Шурави и душман в пространстве отечественной кинорефлексии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 3. С. 48–59. DOI: [10.37482/2227-6564-V019](https://doi.org/10.37482/2227-6564-V019)
4. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
5. Коркин П. «Страдай, но молчи»: какие татуировки делали французские заключенные в XIX в. – и почему их искусство снова в моде // Нож. 2019. 10 дек. URL: <https://knife.media/french-prison-tattoo/> (дата обращения: 16.02.2022).
6. Вологодский С. Воровские тату: язык символов // Петровка, 38. 2020. 25 авг. (№ 31(9728)). URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/vorovskie-tatu-yazyk-simvolov> (дата обращения: 13.02.2022).
7. Мельникова Л.А. География распространения татуировки в историческом аспекте // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2011. № 6. С. 164–169.
8. Малинин В.Б., Трапидзе К.З. История возникновения татуировок // XIX Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. 21–22 апреля 2015 г. / под. общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. Т. I. С. 55–59.
9. Овсянникова О.А. Татуировка через призму семиотики // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Обществ. науки. 2017. Т. 3, вып 2(10). С. 82–85.
10. Пять континентов / Н.И. Вавилов. Под тропиками Азии / Н.А. Краснов. М.: Мысль, 1987. 348 с.
11. Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами. М.: Носорог, 2019. 272 с.

References

1. Nikolai F.V. *Polemika o travme i pamyati v amerikanskoy filosofii kul'tury* [Disputes About Trauma and Memory in American Philosophy of Culture: Diss.]. Nizhny Novgorod, 2018. 335 p.
2. Lyotard J.-F. *La Condition postmoderne: rapport su r le savoir*. Paris, 1979 (Russ. ed.: Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna*. Moscow, St. Petersburg, 1998. 160 p).
3. Ivanenko A.I. *Shuravi and Dushman as Reflected in Soviet and Russian Cinematography*. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 3, pp. 48–59. DOI: [10.37482/2227-6564-V019](https://doi.org/10.37482/2227-6564-V019)
4. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 233 p. (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, 1996. 312 p.).

5. Korkin P. “Straday, no molchi”: kakie tatuirovki delali frantsuzskie zaklyuchennyye v XIX v. – i pochemu ikh iskusstvo snova v mode [“Suffer in Silence”: Tattoos of French Prisoners in the 19th Century and Why Their Art Has Come into Fashion Again]. *Nozh*, 10 December 2019. Available at: <https://knife.media/french-prison-tattoo/> (accessed: 16 February 2022).

6. Vologodskiy S. Vorovskie tatu: yazyk simvolov [Criminals’ Tattoos: The Language of Symbols]. *Petrovka*, 38. 25 August 2020, no. 31. Available at: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/vorovskie-tatu-yazyk-simvolov> (accessed: 13 February 2022).

7. Mel’nikova L.A. Geografiya rasprostraneniya tatuirovki v istoricheskom aspekte [Geography of Distribution of Tattoos in Historical Aspect]. *Interekspo Geo-Sibir’*, 2011, no. 6, pp. 164–169.

8. Malinin V.B., Trapaizde K.Z. Istoriya vozniknoveniya tatuirovok [The Origin of Tattoos]. Skvortsov V.N. (ed.). *XIX Tsarskosel’skie chteniya* [19th Tsarskoye Selo Readings]. St. Petersburg, 2015. Vol. 1, pp. 55–59.

9. Ovsyannikova O.A. Tatuirovka cherez prizmu semiotiki [Tattoo Through the Prism of Semiotics]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Obshchestvennyye nauki*, 2017, vol. 3, no 2, pp. 82–85.

10. Vavilov N.I. *Pyat’ kontinentov* [Five Continents]. Krasnov N.A. *Pod tropikami Azii* [In the Tropics of Asia]. Moscow, 1987. 348 p.

11. Negarestani R. *Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials*. Melbourne, 2008. 244 p. (Russ. ed.: Negarestani R. *Tsiklonopediya: souchastie s anonimnymi materialami*. Moscow, 2019. 272 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V192

Aleksey I. Ivanenko

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design;
ul. Ivana Chernykh 4, St. Petersburg, 198095, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6330-7179> e-mail: iwanenkoalexy@hotmail.com

SEMIOTIC ASPECTS OF AFGHAN TATTOOS

This article presents a semiotic analysis of Afghan tattoos done by Soviet soldiers in memory of their service in Afghanistan, when the Limited Contingent of Soviet Forces was deployed there (1979–1989). As the material the author used photos of tattoos posted on six thematic websites. These tattoos were compared with similar sailor, prison and foreign military tattoos. The research found an essential difference between Afghan and prison tattoos and a strong influence of Western tattoo art on the former. At the same time, Afghan tattoos have unique forms of visual representation of the Soviet–Afghan War, which consist in using Islamic calendar, Arabic script, images of Soviet military vehicles and numerous Afghan toponyms. Interestingly, Afghan tattoos contain no official Soviet (hammer and sickle) or Eastern Orthodox (cross, angel, church, icon) symbols. Instead, we can see various animalistic images (eagle, tiger, wolf) and regimental identity insignia. Standing out among unofficial Soviet symbols represented in Afghan tattoos is the image of an eternal flame. Additionally, the research identified different modalities of perception of this war in tattoo art and Soviet/Russian cinematography: as a rule, films demonstrate the fatality of the Soviet–Afghan War, while in soldiers’ tattoos we observe a pronounced commemorative aspect and pride in their service in Afghanistan. On the whole, Afghan tattoos are an important cultural projection for understanding Soviet spiritual culture.

Keywords: *semiotics of tattoos, symbol, icon, military subculture, collective memory, Soviet–Afghan War, Afghanistan, USSR.*

Поступила 16.02.2022

Принята 23.06.2022

Опубликована 26.09.2022

Received 16 February 2022

Accepted 23 June 2022

Published 26 September 2022

For citation: Ivanenko A.I. Semiotic Aspects of Afghan Tattoos. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye i sotsial’nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 67–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V192